

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Украинско-русский словарь. Т. I. А.— Жюрі. Гл. ред. И. Н. Кириченко.— Киев, Изд-во АН УССР, 1953. XXXI, 508 стр.

Лексикографическая работа в нашей стране вышла далеко за рамки узко филологических, чисто академических интересов. Хорошо составленные словари, особенно переводные русско-национальные и национально-русские, становятся важным фактором в развитии социалистической по содержанию и национальной по форме культуры, содействуют братскому единению языков народов Советского Союза. Выдающимся событием в культурной жизни Украинской ССР является выход в свет первого тома «Украинско-русского словаря», изданного Институтом языкознания АН УССР. Кодифицируя богатейшие лексические сокровища украинского языка, словарь удовлетворяет живым общественным потребностям культурного строительства и безусловно послужит делу повышения культуры речи в школе и в деловой переписке, в прессе и радиовещании, в науке и литературе. Вместе с тем словарь поможет украинцам глубже овладеть великим русским языком и даст возможность познакомиться с украинским языком русским и представителям других народов нашей родины, для которых русский язык стал вторым родным языком.

Новый украинско-русский словарь — большое достижение украинской языковедческой науки. Прежде всего следует отметить, что это — самый полный из всех существующих словарей украинского языка: первый том (буквы А—Ж) содержит в себе около 25 тыс. слов, тогда как в лучшем дореволюционном словаре украинского языка, составленном Б. Гринченко, их было всего 15 тыс. на те же буквы (включая многие архаизмы и узкие диалектизмы, не помещенные в настоящий словарь). Новый словарь дает верную картину словарного состава современного украинского литературного языка, широко охватывая, с одной стороны, классическое языковое наследие, а с другой стороны — многочисленные лексические новообразования, которыми обогатился украинский язык в процессе своего бурного развития после Великой Октябрьской социалистической революции.

К достоинствам словаря нужно отнести и то, что он правильно отражает тенденцию к сближению украинского языка с русским. Восходя к одному общему источнику, эти два братских языка на протяжении столетий развивались в тесной взаимосвязи; особенно усилилось благотворное влияние русского языка на украинский после исторического акта воссоединения Украины с Россией в 1654 г. В рецензируемый словарь впервые помещен целый ряд слов, издавна обших обоим языкам, которые по тем или иным соображениям не включались в предшествующие словари, а также новые заимствования из русского языка и аналогичные образования, особенно в области общественно-политической и научно-технической терминологии. Вместе с тем в словарь не включены иноязычные заимствования, бытовавшие в отдельных украинских говорах, но не вошедшие в литературный язык, вроде фигурирующих в словаре Гринченко слов: *баброш*, *барнавий*, *бетегга*, *бизувати* (мадьяризмы), *баталев*, *букат*, *бурдей*, *буток* (румынизмы), *банкас*, *бефель*, *блиндар*, *бретналь* (германизмы), *белька*, *бібула*, *брам*, *бреверія* (полонизмы), *бавала*, *бірмак*, *брундук*, *бузлук* (тюркизмы) и т. п. Другие заимствования унифицируются с русскими: *баул*, *бакенбарди*, *ваханалия* вместо прежних *баула*, *бакомпарт*, *бакханалия*. Многие одинаково звучащие слова унифицируются с русскими по смыслу, теряя прежние различные значения. Так, слово *банда* раньше означало «гурьба, группа», *бандаж* — «лента», *боти* — «доски для лодок», *бура* — «бурление воды», *буян* — «упрямый вол». Теперь эти слова употребляются в тех же значениях, что и в русском языке.

Наконец, необходимо отметить, что новый словарь построен на научной основе с учетом новейших достижений советской лексикографии. В нем сделана первая попытка дать стилистическую характеристику всего словарного состава украинского языка, определить сферу употребления и экспрессивные оттенки разных слов и оборотов (в «Русско-украинском словаре» 1948 г. стилистические пометы в украинской части даются непоследовательно). Значения и оттенки значений слов иллюстрируются в боль-

шинстве случаев литературными цитатами. Словарь снабжен достаточным грамматическим аппаратом. Большое внимание уделено составителями вопросу регламентации акцентологической нормы украинского языка. Можно без преувеличений сказать, что рецензируемый словарь означает большой шаг вперед по сравнению с прежней украинской лексикографической продукцией.

Само собою разумеется, что работа такого широкого размаха не может быть свободной от ряда недосмотров и огрехов, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что во многих случаях составителям приходилось идти непроторенными путями, строить на голом месте, не имея возможности опереться на предшествующую лексикографическую традицию. Составителям словаря можно предъявить целый ряд упреков и относительно полноты словника, и относительно отображения стилистической дифференциации, и по разработке отдельных словарных статей, и по обоснованию и документации тех или иных значений слова.

Начнем с полноты словника. Словарь, как сказано в предисловии (стр. XVII), дает «все актуальные слова современного украинского литературного языка». Конечно, иногда бывает довольно трудно определить относительную актуальность того или иного слова в общем словарном составе языка, и в лексикографической практике нередки случаи, когда из слов, в равной мере актуальных или неактуальных, одни включаются в словарь, а другие нет. Почему, например, в данном словаре есть слова *агава* и *авалия*, но нет слов *араукарія* и *гледичія*? Почему есть *авар* и *анчи*, но нет *гагауз* и *аланц*; есть *волегар* и *Жегулі* (кстати, более распространено написание *Жигулі*), но нет *дніпряк* и *Бескиди*; есть *борей*, но нет *аквлон*; есть *вірник* и *вродливиця*, но нет *вірниця* и *вродливець*? Правда, быть особенно придирчивым здесь не приходится, поскольку речь идет преимущественно о периферийных слоях лексики и легко образуемых производных.

Более серьезные претензии можно предъявить к словарю за пропуск многих слов, широко употребляющихся в газетном языке и популярной социально-политической литературе. Мы не найдем в нем, например, таких слов, как *антиамериканський*, *антидерзавский*, *антипатриот* (и производные *антипатриотам*, *антипатриотичний*), *багатопартійність*, *безбуржуазність*, *безгласовість*, *бежкомпромисний*, *всеевропейський*, *держдепартамент*, *дискримінаційний*, *добросусідство*, *доларовий*, *домінування*, *доовброння*, *експансіоніст*, *декадентщина*, *директивщик*, *атомщик* и т. д. Не поспевает словарь и за регистрацией новообразований, возникших для обозначения новых явлений в общественной жизни, технике, в быту советских людей. В словарь не вошли, например, такие слова, как *артілець*, *бакшієник*, *вічарниця*, *автодорожний*, *авторемонтний*, *автоінспекція*, *держконтроль*, *автодогня*, *агроінструктор*, *драмгуртківець*, *емтесівський*, *емка*, *газик*, *бензовов*, *бензоколонка*, *движок*, *артезіан*, *десятипілка*, *доцувати* и др.

Далее, в словаре отсутствуют многие слова, встречающиеся в произведениях украинских советских писателей: *безмір'я*, *безпліддя*, *верхогір'я*, *відволікатися*, *глибочина*, *грубишати*, *дешевинка*, *дівочість*, *житніяка*, *життєлюб* (М. Рильский); *байднішати*, *бракуючий*, *виднокіл*, *вістити*, *вірчавий*, *вгнідище*, *двигтючий*, *дітлашня* (М. Бажан); *бджіліник*, *бетонувальник*, *великопанський*, *водогін*, *голубар*, *густевий*, *дичавина*, *жінюцький* (Ю. Смолиць); *безпроглядний*, *бруквиця*, *відбрикуватися*, *в'юнливий*, *дивакуватий*, *дриготіти*, *гуцавінь*, *живоїд*, *жнивювище* (О. Гончар) и многие другие.

Мы произвели только частичную выборку слов из произведений четырех упомянутых авторов и обнаружили свыше 600 лексических единиц, пропущенных новым словарем. Допускаем, что некоторая часть их сознательно и, быть может, не без оснований отвергнута составителями, но относительно большинства слов невольно направляется предположение, что они просто случайно не попали в картотеку. Речь идет здесь не об индивидуальных неологизмах писателей (их мы оставляем в стороне), а о словах общелитературного языка. Ведь даже если слово встречается только у одного какого-то автора, это еще не значит, что оно обязательно является его индивидуальным новообразованием и поэтому не заслуживает внимания лексикографа. Это слово может быть как раз весьма распространенным в устной речи, известным и понятным всем говорящим на данном языке, но оно почему-либо игнорируется писательской массой. Однако достаточно какого-то толчка — и слово находит повсеместное признание, проникая в самые разнообразные стилевые и жанровые разновидности литературного языка. Весьма поучительна в этом отношении история украинского слова *відлунювати*. Впервые употребила его М. Вовчок, слышавшая это слово, несомненно, из уст народа. Долгое время оно было уникалом, и только в последнее десятилетие, буквально на наших глазах, это слово получило широчайшее распространение в литературном языке; сейчас трудно уже найти автора, который бы его не употребил. Было бы неправильно объяснять подобный успех одной только «модой»; решающую

роль сыграли здесь стилистически-экспрессивные свойства слова *відлунювати*. Оно выразительнее и точнее, чем многозначные *відбиватися* или *віддавати*, короче и не менее понятно, чем словосочетания *битися луною*, *віддаватися луною*. Кроме того, оно обладает большими словообразовательными потенциями. В словаре уже зафиксированы такие производные от него, как *відлуння*, *відлунюк*. К ним можно прибавить еще *відлунюватися*, *відлунювання*, *відлунний*.

Словарь должен не только регистрировать то, что давно вошло в литературный язык и уже окончательно отстоялось в нем, но также популяризировать те новые лексические элементы, которые вырастают органически из наличного языкового материала, оформляясь по типовым продуктивным словообразовательным моделям согласно внутренним законам развития языка — элементы, являющиеся по своим семантико-стилистическим свойствам жизнеспособными и перспективными, способствующие усовершенствованию и обогащению языка.

Украинская фразеология представлена в словаре значительно полнее, чем в «Русско-украинском словаре» 1948 г., однако, по нашему мнению, все еще недостаточно. Под словом *душа*, например, приведено 14 оборотов, что далеко не исчерпывает относящихся сюда фразеологизмов. Конечно, невозможно (да и не нужно) помещать в словарь все сто с лишним оборотов с этим словом, но вместо общих для обоих языков фразеологизмов (*душа в душу*, *ні душі*, *кривити душею*) полезнее было бы дать в переводном словаре идиомы, представляющие большие трудности для понимания и перевода (*щира душа*, *виймати душу*, *мліти душею*, *поривати душу* и т. д.). Не находим мы в новом словаре и таких распространенных оборотов, как *увірвався бас*; *хвіст бульбюком*; *будьмо*; *не в ті взувся*; *тихо, як у вусі*; *взяти волю*; *аж гай шумить*; *і тут варяче*, *і там боляче*; *по саме годі*; *не туди стежка в горах*; *аби день до вечора*; *не діждеш*; *ажу дрантя летить*; *жати на один сніп*; *нагнати жаху* и т. п.

Отметим кстати, что алфавитный порядок размещения фразеологических оборотов не очень удачен, так как он приводит к разрыву соответственных образований (близких по содержанию или, наоборот, антонимичных). Так, например, обороты *вилаяти на всі боки* и *розгулятися на всі боки* разделены друг от друга 50 строками, *негативний бік* и *позитивний бік* — 7 строками. Целесообразнее было бы группировать их по форме словосочетания, базируясь на грамматической форме ведущего слова (существительные — по падежам и предлогам; глаголы — сначала без дополнений, потом с дополнениями и обстоятельствами, с учетом грамматических форм этих последних и типов синтаксической связи).

Отмеченные нами пропуски говорят о том, что при переиздании в первый том словаря нужно будет внести дополнительно не менее тысячи слов и выражений. Могут возразить, что этого не позволяют сделать размеры книги. Но, во-первых, лишних 1—2 листа не составят ощутительной разницы. Во-вторых, словарь можно без всякого ущерба немного разгрузить за счет некоторых лишних иллюстраций (примеры на термине и номенклатурные слова, примеры-дублиеты на одинаковое словоупотребление) и главным образом за счет балластного материала из «перевернутого» русско-украинского словаря. Было бы ошибкой считать, что украинско-русский словарь должен обязательно содержать в себе полностью всю украинскую часть русско-украинского словаря, вплоть до парафраз и толкований тех русских слов, для которых в украинском языке нет однословных соответствий. Это относится, конечно, к любым двум языкам, для которых составляются дифференциальные словари. Нет никакой надобности давать под словом *буланый* словосочетаний *робитися*, *зробитися* (*ставати*, *стати*) *буланым* с русским переводом «делаться, сделаться буланым (саврасым, соловым, каурым)», «соловеть, посоловеть». Однако именно так поступили составители рецензируемого словаря, включив в него множество подобных псевдофразеологизмов: *почати ганити*, *почати верати*, *почати говорити дотепи*, *кінчити голити*, *коли-не-коли бовтати*, *почом болити*, *жити частенько*, *трохи відкривати*, *дуже дорогий*, *бути бабієм*, *бути дужее поширеним*, *бути надто строкатим*, *який (що) вийшов в ужитку*, *людина*, [від] *якій всі віддуралися* и т. п. Иногда такие описательные обороты выступают в словаре даже в роли терминов, например: *аматор полювання в хортами* (охотн.) «блорятини»; *волова і хребет красної риби* (кул.) «головизна». Издаваемые в последнее время двуязычные словари обычно не пользуются этим приемом.

Большая работа, как уже упоминалось, проведена составителями в области стилистической характеристики слов, что вместе с грамматическим аппаратом и указаниями на ударение и произношение является основным орудием нормативной регламентации лексики. Нормативный словарь обычно противопоставляется словарю-справочнику; не углубляясь здесь в вопрос о правомерности такого противопоставления, отметим только, что, в отличие от краткого словаря с установкой на активную нормализацию современного литературного языка, в большом словаре современного языка с широкой исторической перспективой (с охватом важнейших языковых явлений классического наследия) нормативность достигается не столько включением или не

включением в словарь определенных слоев лексики, сколько последовательным применением научно разработанной системы классификации слов по сферам употребления.

Этот ответственный и интересный участок лексикографической работы таит в себе немалую опасность субъективной интерпретации языковых фактов. В самом деле, одни и те же слова общенародного языка могут получать различную экспрессивную окраску и вызывать различную стилистическую оценку со стороны разных субъектов в зависимости от их социального положения, воспитания, вкусов, привычек и т. д. Человеку, получившему слишком пуританское языковое воспитание, могут казаться вульгарными слова, воспринимаемые большинством просто как разговорные или фамильярные. Тот, кто не сталкивался в своем речевом обиходе с определенными словами и выражениями, склонен иногда считать их редко употребляемыми или даже провозгласить их выдуманными, несуществующими. Лексикограф, который «по долгу службы» имеет более широкую языковую практику (обычно опосредствованную), чем большинство членов языкового коллектива, призван закрепить в нормативном словаре социальную оценку разных лексических элементов, объективно воспроизвести их стилистическое расслоение. При этом он должен руководствоваться не только собственным «чувством языка», хотя без тонко развитого чувства языка словарник немислим. Прежде чем охарактеризовать то или иное слово как областное, устаревшее, редкое, вульгарное и т. д., лексикограф должен провести кропотливую работу, тщательно изучить возможно большее количество случаев употребления данного слова во всех разновидностях письменной и устной речи, для чего необходима богатая, разносторонняя, хорошо документированная картотека.

В рецензируемом словаре наряду с правильными стилистическими оценками слов имеется немало спорных, а то и явно неверных характеристик, данных без достаточных оснований, без глубокого системного анализа соответствующих явлений. Слова одного и того же стилистического слоя нередко относятся составителями к разным категориям в зависимости от источника, откуда слово попало в словарь. *Беркиць* и *беркицьнути* помечены как областные слова, потому что примеры взяты из сказок Рудченко и словаря Гринченко, а *беркицьнутися* — как разговорное, потому что пример — из Смолыча. *Відвичаювати* характеризуется как областное слово, потому что взято из произведений Кобылянской, а слово *відвичаюватися* дано без пометы, следовательно, рассматривается как стилистически нейтральное слово литературного языка, так как встречается в переводе из Пушкина. Неизвестно, почему отнесены к диалектам слова *бемір, виціт, тиріст, відаримувати, відгорнути (скибу), гаддя, гострак, ванпяр* и даже *батир*.

Злоупотребляют составители и пометой «редкое». В словаре Ушакова она относится к словам, которые употребляются «...редко, потому именно редко, что литературный язык их избегает»¹, — следовательно, низкая абсолютная частота употребления определенного слова не может еще служить основанием для зачисления его в раритеты. Слово *весняно* в самом деле встречается редко, но не потому, что его «избегает» литературный язык, а потому, что вообще большинство наречий употребляется гораздо реже прилагательных, от которых они образованы (ср. *сліпий, червоний* и *ліно, червоно*). Спорным представляется нам отнесение к редким и таких слов, как *борня, бридота, брязк, булькіт, веселчастий, видмухувати, виплід, виплеск, відплющувати, вітрик, ворухлигий, габання, дбайлі, днями, догоювати, дрібчастий*. Вместе с тем без всякой пометы оставлены такие действительно редкие и устаревшие слова, как *вибачний, вимисливий, дожиття, бест, бойовизм, безгласний, военачальствувати, благодуществувати* и им подобные.

К категории разговорных без достаточных оснований причислены в словаре слова *вимірювач, відтулина, гортати, гомін, годівельний, дтячість, воластість, в'язний*, далее устаревшее *живати*, областное *гойний*, поэтическое *вістун* и некоторые другие. Пусть *воластий, в'язи* — действительно разговорные слова, но значит ли это, что все производные от них тоже автоматически переходят в разряд разговорных? В слове *воластість* нейтрализующе действует характерный преимущественно для «книжных» образований суффикс; слово *в'язний* употребляется главным образом в сочетании *в'язний хребець* («шейный позвонок») и в этом терминологическом употреблении лишается разговорного характера. Слово *годівельний* отнесено к этой категории, по-видимому, по той причине, что переводится разговорным русским словом *кормежный* (ср. разговорный характер слов *кормежка, бомбежка*); между тем укр. *годівельний* стоит в одном ряду с такими нейтральными образованиями, как *будівельний, купівельний, торгівельний*. Русский глагол *листать* действительно является разговорным по отношению к *перелистывать*, но этого нельзя сказать относительно укр. *гортати*, которое употребляется без всякого оттенка разговорности и притом значительно чаще, чем *перегортувати*.

Акад. В. В. Виноградов в своей рецензии на «Русско-украинский словарь» (М., 1948) совершенно справедливо указывал: «Не надо думать, что при близости и тесной

¹ «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, М., 1935, стр. XXVI.

взаимосвязи двух языков, например русского и украинского, при сродстве их строя, создание дифференциального или переводного словаря этих языков является делом очень простым, предприятием научно-техническим. Напротив, опасность схематизации и упрощения тонких смысловых различий между такими языками особенно велика². Различными могут быть также стилистические характеристики общих обоим языкам слов даже при тождественной семантике. Стилистически нейтральные литературные слова одного языка порой выступают в другом в качестве фамильярных, областных, устаревших, редких и наоборот. Ср. русские *ветрило, вечеря, вкупе, ворог, брезать, девчата, дюже, кликать, кресать, пропозиция, хворый, видеть, воздух, враг, гладать, топор* и соответствующие украинские слова. В новом словаре это явление в отдельных случаях не учитывается, и к некоторым украинским словам механически прилагаются стилистические пометы их русских соответствий. Украинские слова *бороти, гнізливий, губань* квалифицируются по аналогии с русскими как устаревшие, *жантильний, жантильничати* — как разговорные (в русском языке они действительно были некогда разговорными). *Дрібняки* (с русским переводом «мелочка») снабжено пометой «пренебрежительное», хотя суффикс *-ак* в отличие от суффикса *-ишк-*, не содержит в себе указаний на эту оценку (ср. *вершняк, кругляк, п'ятак*).

Наконец, еще одно замечание по поводу помет. Нам кажется, что правильно сделала редколлегия «Русско-украинского словаря», введя помимо общей пометы «обл.» еще особую помету «зап.» — «западноукраинское слово или выражение». Ее нужно было бы сохранить и в «Украинско-русском словаре», по крайней мере для слов, которые были характерными именно для литературного употребления в произведениях западноукраинских писателей. Некоторые украинские языковеды, исходя из апрорных схем образования литературного языка и игнорируя историческую действительность, отрицают существование западного (иначе галицко-буковинского, или надднестрянского) варианта украинского литературного языка, — варианта, который возник в силу известных общественно-исторических условий и отличался от украинского литературного языка не меньшим количеством специфических особенностей, чем, скажем, американский вариант английского языка от этого последнего. Между тем для Франко, например, как и для других участников литературного процесса конца XIX — начала XX в., «единство и цельность (одноціліність) литературного языка были еще желательной целью, а не реальным фактом. Лучшие представители западноукраинской литературы, в первую очередь тот же Франко, сознательно стремились в своей литературной практике к сближению с литературным языком «Надднестрянщины», сложившимся на киевско-полтавской диалектной основе. С другой стороны, такие писатели, как М. Коцюбинский и Леся Украинка, в отличие, например, от Нечуя-Левицкого, не отвергали понятных для каждого украинца и нужных для развития украинского литературного языка слов только потому, что они были впервые употреблены на галицкой почве³.

Изын революционных писателей Западной Украины представлял собой дальнейший этап инновирования отличий западного варианта и растворения его в общукраинском литературном языке, но окончательно этот процесс завершается только после воссоединения всех украинских земель в едином украинском советском государстве. Очевидно, что такие слова, как *виділ* (в значении «комитет»), *висланець* («эmissар»), *відчит* («доклад, лекция»), а также заимствования типа *градулювати, консеквентий, конскрипція, мцитація, маніпулянтка, обсервувати, пленіпотент* и т. п., следует трактовать именно как западноукраинские слова, т. е. как специфическую лексику западноукраинского варианта украинского литературного языка. Кроме того, если словарь хочет оправдать свое назначение «помогать ... понимать различную литературу на украинском языке, а также быть справочником и пособием при переводе украинских текстов на русский язык» (стр. XVI), он должен уделять больше внимания этим словам *донешні, фисюру* хотя бы наиболее типичные, наиболее распространенные и специфические западноукраинских слов и специфические «западные» значения общукраинских слов. Словомало бы учесть, например, такие часто встречающиеся в сочинениях Франко слова, как *абдикація* («отречение»), *висласнення* («экспроприация»), *випародження* («денационализация»), *відпис* (в значении «копия»), *академік* (в значении «студент») и т. д. Рецензенты неоднократно отмечали вопиющие ошибки в русских переводах из Стефанюка, Мартовича, Тудора и других — ошибки, происходящие именно от незнания специфической западноукраинской лексики (особенно в случаях

² «Советская книга», 1950, № 2, стр. 91—92.

³ Нечуй-Левицкий, справедливо указывая на ряд полонизмов и на остатки искусственного «язычия» в языке галицких писателей, вместе с тем совершенно обоснованно, с позиций хуторнического нуризма, осуждал употребление таких слов, как *рух, явище, підприємство, мистецтво, висновок, парада, співробітник, влада, участь, майбутнє, штучний, точий, існувати, керувати, майже, цілком* и т. д., которые впоследствии прочно вошли в общелитературный язык.

межязыковой омонимии и паронимии). Но откуда же переводчику знать ее, если она не фиксируется никакими словарями. Бояться «засорения» этими словами украинского литературного языка нет никаких оснований, так как соответствующая помета предупредит пользоваться словарем от употребления этого слова. Ведь никто никогда не обвинял словарь Ушакова в засорении русского языка словами типа *колико, толико, сладкогласие, согбенный, скудельный, споспешествовать, народоправство, экстермпоралия* и т. п.; он включает их для лучшего понимания языка классиков, а не как норму.

Новый «Украинско-русский словарь» не ограничивается, как правило, приведением только наиболее распространенных русских соответствий украинскому заглавному слову, а дает по возможности исчерпывающий их перечень с учетом тончайших семантических и стилистических нюансов слова, что помогает украинскому читателю овладеть богатой синонимикой русского языка, а переводчику — найти наиболее точный русский эквивалент к украинскому слову в том или ином контексте. Большой удачей составителей является разработка таких, например, статей, как *виходити, виводити, вибивати, єднати, вага, ґрунт, ґеть, аж, аби*. Однако вызывает возражения принятый составителями принцип группировки русских соответствий к украинским заглавным словам. Если украинское слово имеет два или несколько значений и во всех своих значениях передается одним и теми же русскими соответствиями, то никакой разбивки на разделы не производится; если разные значения переводятся по-русски неодинаково, то соответствия для каждого значения объединяются в отдельную группу и нумеруются (см. «Предисловие», стр. XXI). Таким образом, значения украинских слов остаются по существу неразграниченными: под одной цифрой кроются разные значения, часто весьма далекие друг от друга, лишь бы они передавались одними и теми же русскими соответствиями. Такие полисемантические слова, как *давати, доходити, говорити, вільний, діло, діяти, бити, вигляд, викликати*, совсем не разбиты на значения, хотя соответствующие статьи занимают по 50—80 строк. Соответствия к слову *ґнати* сгруппированы таким образом: 1) гнать; угонять; преследовать; мчаться (непереходное употребление!); выгонять, курить, выкуривать (водку и т. п.); 2) стгонять, сплавлять.

С другой стороны, нередки случаи, когда незначительные оттенки значений или даже аналогичные словоупотребления относятся в разные рубрики в качестве отдельных значений, потому что переводится неодинаковыми русскими соответствиями. Так, в статье на слово *віддавати* (подробно разработанная статья в это строк) выражение *віддавати в науку* фигурирует под первым значением (или «групиной значений»), а *віддавати в школу* — под третьим; *віддавати на поталу* — под первым, а *віддавати на муки* — под пятым. Такой способ подачи соответствий затрудняет пользование словарем, а иногда даже может стать источником неправильного перевода. Конечно, переводной словарь во многом отличается от толкового, но если он хочет установить правильные способы перевода слов одного языка на другой, правильно отобразить «...сложные и многообразные отношения значений слов одного языка к однородным значениям слов другого языка...»⁴, он должен исходить прежде всего из самих значений первого языка и разграничивать их так, как это делает толковый словарь. Это относится особенно к большому двуязычному словарю, где значения и оттенки значений слов первого языка иллюстрируются литературными цитатами (в нашем случае применение этого принципа было бы тем более желательным, что до сих пор нет толкового словаря украинского языка). К счастью, составители иногда отходят от принятого ими порядка подачи соответствий, и тогда получаются такие прекрасные разработки словарных статей, как *воля, дух*, где значения и оттенки значений украинских слов точно разграничены, независимо от того, передаются ли они одинаковыми или разными русскими соответствиями.

В некоторых словах не выделяются отдельные значения, часто весьма распространенные в литературном языке. Так, слово *ґостити* переводится только как «угощать», но оно может обозначать также «гостить»: «Орачу мій, господарю великий, *ґостило* в тебе сонце за столом» (М. Стельмах) — и «принимать как гостя»: «Недавно ви мене *ґостили*, хороші сестри і брати, і серцем я дніпрові схили хотів до вас перенести» (М. Рильский). Слово *відійти* может обозначать не только «оказки», но также «обрат, снятое молоко»: «Хитра ота заморська машина віялка: *одійти* залишає в Кураєвому, а вершки жене кудись далеко, у свої заґребуці краї» (О. Гончар). Слово *бездямний* — не только «бессмысленный, безмозглый, иступленный», но и «бесчувственный» («в бессознательном состоянии, в беспамятстве»): «Тоді звелі, щоб лікар повернув свідомість бранцю, що *бездямний був*» (М. Ваян). Слово *викреслювати* — не только «вычеркивать, вымарывать», но и «вычерчивать»: «Схилиючися над столом, *викреслювали* будівниц новий Хрещатик» (М. Рильский). Слово *винарня* — не только «виинный по-

⁴ В. В. Виноградов, указ. рец., стр. 91.

греб», а и «винодельня»: «Бачимо квадрат господарського двору і ряди будівель під залізом та черешницею: контора, лабораторії, майстерня, сушарня, *винарня*, склепи, льох, будинки персоналу» (Ю. Смоліч). Слова *вигасати*, *вигаснути* — не только «угасать, угаснуть» («Огнище *вигасло*»), но и «вымирать, исчезать, прекращаться, пресекаться»: «Він пригадував собі, що в нього нема сина, що його славний рід, його ім'я з ним *вигасне* і сглаживаться»: «Згадка про нього... не *вигасне* до моєї смерті» (все три примера из И. Франко).

Случается, что к какому-нибудь слову или отдельному значению даются не все русские эквиваленты, и тогда приведенные соответствия не подходят для перевода некоторых предложений, фигурирующих в иллюстративной части. Под словом *бісик* (с переводом «чертик») приведен пример: «В очах її грали якісь веселі, зухвалі *бісики*». Конечно, здесь подразумеваются не чертики, а задорные, озорные огоньки. Под словом *добуцятися* во втором значении — «(раз)добывать, добиться» между другими приведен такой пример: «Я тільки раз піснями сліз *добуєся* від чужинця»; но *добуцятися від кого сліз* нужно перевести «исторгать у кого слезы», «разжалобить кого до слез». Под словом *відвалити* в значении «отвалить, дать много, расцедриться» дан пример из словаря Гринченко: «*Відвалив* скибу хліба», где глагол обозначает в действительности «отрезал» (и скорее себе, чем кому-то другому). Сюда подошел бы лучше пример из О. Гончара: «І батьків викликав, півсонні овець їм *відвалив*, щоб мовчали».

Иногда в словаре не обращено должного внимания на так называемые связанные значения, на «валентность» слов, степень их способности входить в сочетания с другими словами. Если, например, определенный глагол может сочетаться как с подлежащим или дополнением только с одним существительным (или небольшой группой существительных определенной ограниченной семантики), если то или иное прилагательное употребляется в качестве определения только к одному или нескольким существительным, — это обязательно должно отмечаться в словаре. Следовательно, при слове *вичилювати* (русс. «выдeldывать») нужно объяснить в скобках: (кожу); при *відплющувати* (русс. «раскряпывать, открывать») добавить: (глаза); при *відтузати* («спадать, уменьшаться») добавить: (об опухоли). Выражение *в'язатися в чим* употребляется, как правило, в отрицательной форме *не в'язється*, или реже является отрицательным по смыслу: *погано в'язється*. В словаре фигурирует — в качестве отдельного — областное слово *горгоші* в значении «плечи», однако в речи оно может применяться лишь в словосочетаниях (*взяти на горгоші*, *нести на горгошах*). Слово *жерцем* (с переводом «алчи») тоже самостоятельно не употребляется и выступает только в тавтологическом обороте *жерцем пожирати* (ср.: *ридма ридати, дама давити*). Собирательные *віконня* и *городдя* употребляются только в выражениях *попід віконню, пова городдя* (ср.: *попід тинню, пова стільню* и *пова стільям*). С другой стороны, слово *витин* приводится в словаре только в составе сложного термина *витин каменя* («камнесечение»), хотя оно существует и отдельно, может входить в свободные словосочетания. Ср. у Ю. Смоліча: «Весь процес *витини* клаптика роگیвки ... провісся через пам'ять».

Попадают в словарь и неверные переводы отдельных слов. Слово *борвій* переведено «борей; буря»; относительно второго соответствия возражений быть не может, но «борей», как известно, северный ветер, а в иллюстративном примере читаем: «Із півдня (с юга) ринув лютий цей борвій». В словарной статье на слово *бухати* объединены фактически два омонима⁶, но дан перевод лишь одного, хотя в примерах приведены вперемешку также случаи употребления другого («*Буха* од коней пара...»; «... кров *бувала* в голову...»; «хвиля *бухнула* через двері в хату...»). Ясно, что во всех этих фразах слово *бухати* никак нельзя перевести «бухать, ухать», как это рекомендуется словарем; оно здесь равнозначно слову *збухати*, т. е. «валить» (о дыме, наре), «лить, политься, хлынуть» (о воде и т. п.), «ударять, приливать» (о крови), «вырваться» (о пламени). Слово *дивниця* никогда не имело значения «странность» («эксцентричность, чудачество»), хотя в словаре приведен пример: «Родичі її часто мали право *адивгати* ильчима, дивуватися й не розуміти її *дивницю*» (перевод из Тургенева). Это не единственный случай, когда переводчик подвел лексикографа. *Духмяний* действительно значит «душистый, ароматный», но никогда не «душной» (о воздухе и т. п.), как говорится в словаре, причем дается следующая ссылка на Н. Рыбака: «Так вищлася його мрія у *духмяну* паризьку ніч». Не знаю, в каком смысле употребил это слово автор (мог ошибиться и он), но в русском переводе читаем: «душная ночь» (правда, если верить тому же переводчику, то *одували каштани* будет по-русски «двела каштаны»).

⁶ Отметим кстати, что составители словаря не увлекаются, подобно некоторым другим лексикографам, излишним широким толкованием омонимии. Однако мы полагаем, что следовало бы все-таки различать такие омонимы, как *біда* (I — «беда», II — «двуколка»), *бана* (I — «баня», II — «купол»), *білиця* (I — «непостриженная монахиня», II — «белка»), *важити* (I — значения 1, 2, 3-е по словарю, II — значения 4, 5-е в словаре), *гойний* (I — «шодрый», II — «целбный»), *доцвіати* (I — «созревать», II — «узреть»), *живити* (I — «питать», II — «оживлять»).

Выше мы уже говорили о том, что новый словарь правильно отражает процесс сближения украинского языка с русским, приводили примеры стирания различий в значениях одинаково звучащих слов этих двух братских языков. Но вместе с тем нужно отметить, что в некоторых случаях составители, сами поддавшись оптическому или акустическому обману, вводят в заблуждение и пользующегося словарем, механически сближая слова одного происхождения, значения которых не совпадают в украинском и русском языках. Это относится преимущественно к словам историческим, устаревшим или редким. Русское *веритель* — то же, что «доверитель», т. е. лицо, уполномочивающее кого-то вести свои дела. Украинское (зап.) *виритель* соответствует русскому *кредитор* (ср. польск. *wierzyciel*, чеш. *vřitel*). По-русски *бурмистр* — это управляющий в помещичьем имении, укр. *бурмистер* — «бургомистр, городской голова». Русское *вызывать*, *вывить* обозначает «вить что-либо из ниток, прутьев» или же «вылетать» (ленту из косы и т. п.); укр. *вызивати*, *выивнути* — «вызывать, развертывать что-либо, завернутое в узел, платок» и т. п. (ср. польск. *wywiąć*, *wywinąć*, чеш. *vyvíjeti*, *vyvinouti*).

Иногда составители дают только одинаково звучащие соответствия к украинским словам, не приводя других, с иными значениями. *Гінкий* не только «гонкий», но и «высокий, стройный» (*гінка діччина*); *безциний* может обозначать также «праздничный, бездельный» (ср. у М. Рыльского: «Я не складу *безциний* рук на грудях спорожнілх»). Отдельной статьей дано *де-то* с русским переводом «где-то» и примером из Шевченко: «Лучше поміркую, *де-то* моя Катерина з Івасем мандрує». В действительности это наречие *де* + частица *то*, а пользующийся словарем, не углубляясь в анализ примера, может сделать вывод, что в украинском языке существует неопределенное наречие *де-то* в значении русского «где-то».

Источники, которыми пользуются составители рецензируемого словаря, достаточно обширны и разнообразны. Цитаты берутся из украинских классиков (по приблизительным подсчетам — 35% всех примеров), из украинских советских писателей (тоже 35%), из произведений классиков марксизма-ленинизма, из социально-политической и иной научной литературы и из газет (20%), из народного творчества и из разговорного языка (5%) и, наконец, из переводов (5%). Сданными пропорциями можно вполне согласиться, однако в пределах этих отдельных рубрик иногда наблюдается некоторая неравномерность. Довольно полно, например, представлена лексика П. Мирного и М. Вовчок, но отсутствуют многие слова из произведений М. Коцюбинского, Леси Украинки и особенно И. Франко, хотя эти авторы цитируются часто. Подобная же непропорциональность наблюдается и в использовании материала из произведений украинских советских писателей — очень редко встречаются в словаре цитаты из сочинений П. Панча и М. Стельмаха, сравнительно часто — из П. Трубляки и Н. Рыбака.

Правильно сделали составители, включив в список источников словаря переводы с русского языка. Правда, научная и практическая ценность словаря значительно повысилась бы, если бы примеры из переводной литературы были подобраны не произвольно, а так, чтобы наглядно показать обогащение украинской лексики и фразеологии как путем прямых заимствований из русского языка, так и путем калькирования (морфологического или семантического) или «обновления» какого-либо слова, издавна общего обоим языкам. Стоило бы использовать также переводы из белорусской литературы (хотя бы из произведений Я. Купалы, Я. Коласа и А. Кулешова), ведь язык и литература третьей ветви восточного славянства развивались в тесной взаимосвязи с языком и литературой братских русского и украинского народов.

Система отсылок в примерах иногда страдает неточностью. Когда цитируемый отрывок взят не из оригинального сочинения украинского писателя, а из перевода, это, как оговорено в списке источников, отмечается особо. Однако во многих случаях такие указания отсутствуют. Вот некоторые замеченные нами недосмотры: «Все розказує про сирани Ваговиті, таємні. Леся Українка» (пример — из Гейне); «Як будеш дружиньонька шлюбна моя, то можеш ти з того радіти» (то же); «Зайнявся ранок: кроками своїми від мене сон легкий він відігнав. М. Рыльский» (из Гете); «Грають над водою, грають огоньки. П. Тычина» (из Сурикова); «Давала тінь йому вірлиця, лизав криваві ранн вояк. П. Грабовский» (из Х. Ботева). Грабовскому же приписана ошибочно и цитата из перевода Е. Гребенки: «Маруся звісна стала всім ... вітливим серцем і цнотю». После примера «На гуслі грає, красно співає» сказано, что это из думы, между тем размер, да и сама словесная формула явно принадлежат другой жанровой разновидности народного песенного творчества — колядке (и в самом деле, мы находим такую колядку в «Материалах» Чубинского, т. III, стр. 274). Под обозначением *Метл.* кроются цитаты и из оригинальных стихотворений Метлинского, и из его переводов, и из изданных им народных песен. Во многих случаях цитируются отрывки из произведений, написанных М. Вовчок на русском языке и переведенных на украинский другими лицами, без всякого указания на то, что это перевод (см. слова

аматор, величність, відлюдько, вітрогонка, горошок, деренчатий, дивування, дрібниця, дрібнолистяний, дур). Между тем даже «невооруженным глазом» можно заметить, что язык этих цитат лексикой и синтаксисом резко отличается от языка украинских рассказов М. Бовчок. Вот один пример: «Солодкий був такой задоволений, що навіть у нього трошки звичайної величності пропало».

Из других недостатков словаря, уже больше технического порядка, укажем на такие, как помещение под одним словом или выражением нескольких цитат из одного и того же автора (см. слова *багатий, бухати, виітровати, гинути, добігати* и пр.), повторение той же цитаты в разных статьях (например, на слова *володар* и *відчиржити, горб'ячий* и *вільшанка, древній* и *дід*), при цитировании литературных примеров — применение разных шрифтов (разрядки, полужирного шрифта, курсива), которые имеют в словаре каждый свое отдельное назначение (см. слова *важливо, вигідно, вигнання, громадянський, гуртування* и др.). В стихотворных цитатах новая строка начинается то с прописной, то со строчной буквы. Непоследовательны и указания на принадлежность реплики определенному персонажу в цитатах из драматических произведений.

Отметим, наконец, обнаруженные нами опечатки, особенно нежелательные в такого рода изданиях. При слове *доц* нет русского соответствия. При словах *деревина* и *жалітися* стоит цифра 1 (нумерация значений), и больше никакой цифры нет. С неверным ударением напечатано *житіє* (вместо *житі́є*). В неправильном написании подан исторический термин *віра* (русское «вира»), хотя на соответствующем месте дана и правильная форма — *вира*. В статье на слово *десятковий* читаем *десяткові дробі*, хотя дается вообще *дріб, дробу*. В статье на слово *грудуватий* в цитате из Панферова *Жарков* превратился в *Жарка*, в слове *відсовувати* в цитате из Коцюбинского вместо *нізчима юшка* напечатано *нікчемна юшка*. В примере из Котляревского (см. слово *виглясом*) нужно было написать *перед Енеєм*, а не: *перед Енеєм*. В цитате из Леси Украинки: «Хлоп'я спинилось. Нам обом волосся стало *дубом*» — последнее слово следует читать *дуба* (под этой вокабулой).

Все указанные выше огрехи и недосмотры не снижают общей положительной оценки работы. На одно пропущенное слово, на одну неудачную стилистическую помету, на одно неверное толкование в словаре приходится десятки и десятки слов, впервые включенных в словарь, сотни удачных стилистических характеристик, множество оригинальных и точных разработок разных значений слова. К тому же, как сказал полулегендарный пращур славянской филологии черноризец Храбр, легче потом исправить, чем впервые создать — «удобее бо есть послежде потворити, неже прьвое створити». В последующих изданиях — а такие словари должны переиздаваться по меньшей мере каждые десять лет — эти недоделки будут, несомненно, устранены. Пожелаем Институту языкознания АН УССР успешно завершить начатое им нужное и важное дело.

Н. А. Лукаш

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. МОРФОЛОГИЯ. (КУРС ЛЕКЦИЙ.)

[Для высш. учеб. заведений.] Под ред. В. В. Виноградова. — [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1952. 520 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Рецензируемая работа представляет собою учебное пособие для высших учебных заведений. Поэтому при ее оценке следует рассмотреть два вопроса: 1) отвечает ли эта работа требованиям, предъявляемым к ней как к научному труду по русскому языкознанию, и 2) соответствует ли она тому методическому уровню, какой должна иметь книга, предназначенная служить учебным пособием для вузов*.

«Курс лекций» как научный труд

1. Диалектико-материалистическая методология в книге вполне выдержана. Освещение научных проблем дано с позиций марксистско-ленинского учения о языке. Вопросы сущности языка, характера грамматики, места морфологии в системе наук о языке понимаются коллективом авторов правильно.

* Первая часть рецензии («Курс лекций» как научный труд) принадлежит В. Е. Федорову, вторая («Курс лекций» учебное пособие) — В. М. Филипповой.